УДК 39(571.54)

ББК 63.5

DOI 10.31554/2222-9175-2021-44-27-32

Р. В. Дампилон

СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА БУРЯТ И ЭВЕНКОВ БАРГУЗИНСКОЙ ДОЛИНЫ

Статья посвящена исследованию сохранности и трансформации обрядовых действий и мест поклонений бурят и эвенков Баргузинской долины, составляющих единый культурно-этнографический комплекс. Рассмотрены культовые места как объекты общего значения и локальные (по территории и родовым местам поклонений бурят и эвенков). Даны результаты исследования сакральных мест, почитаемых бурятами и эвенками, с точки зрения преемственности, аккультурации или ассимиляции обрядовых действий.

Показано, что эвенкийские обряды по акциональным и семантическим кодам совпадают с бурятскими. При этом эвенки усваивают мировоззрение и традиции более многочисленного бурятского народа, происходит постепенная ассимиляция культурных моделей.

Ключевые слова: Бурятия, Баргузинская долина, буряты, эвенки, сакральные места, сравнительный анализ.

R. V. Dampilon

SACRAL PLACES OF BURYAT AND EVENKS BARGUZIN VALLEY

The article is devoted to the study of the preservation and transformation of ritual actions and places of worship of the Buryats and Evenks of the Barguzin Valley, which constitute a single cultural and ethnographic complex. Places of worship are considered as objects of general significance and local (according to the territory and ancestral places of worship of the Buryats and Evenks). The results of the research of sacred places revered by the Buryats and Evenks from the point of view of continuity, acculturation or assimilation of ritual actions are given.

It is shown that the Evenk rites coincide with the Buryat rites in functional and semantic codes. At the same time, the Evenks assimilate the worldview and traditions of the more numerous Buryat people, and there is a gradual assimilation of cultural models.

Keywords: Buryatia, Barguzin Valley, Buryats, Evenks, sacral places, comparative analysis.

В традиционной культуре бурят и эвенков важное место занимают священные места. В Баргузинской долине (территории современных Курумканского и Баргузинского районов Республики Бурятия) есть немало таких мест. Коренным этносом долины издавна являются эвенки. Бурятские роды в XVII в. пришли в долину из Предбайкалья тремя волнами. Первыми были буряты абзаевского рода, после них – эхириты и булагаты, затем – галзуты. Традиционной религией эвенков и бурят был шаманизм. Каждый род имел шаманов, свои родовые места поклонений. Поэтому неудивительно, что многие эвенкийские сакральные места стали почитаться и бурятами. Целью работы является выявление сохранности и трансформации обрядовых действий и мест поклонений бурят и эвенков Баргузинской долины, составляющей единый культурно-этнографический комплекс.

В научной литературе имеется немного трудов, посвященных изучению сакральных мест бурят и эвенков, проживающих в изучаемом регионе. В монографии Б. Ц. Гомбоева [2006] подробно рассмотрены бурятские и эвенкийские сакральные объекты, в статье О. В. Бураевой [2018] классифицированы места поклонений эвенков в ландшафтном аспекте.

В нашей статье выборочно рассматриваются сакральные вершины, почитаемые всеми, и локальные родовые места поклонений с точки зрения преемственности, аккультурации или ассимиляции обрядовых действий бурят и эвенков. «Если аккультурация заключается в освоении новых, заимствованных в ходе контактов с другим сообществом культурных моделей, то ассимиляция представляет собой процесс уподобления, включения в новую общность, усвоения нового мировоззрения, традиций и эмоциональной привязанности» [Этнический... 2012: 107].

В Баргузинской долине имеются различные виды шаманских священных мест: горы и горные вершины, обо, пещеры, скалы и камни, аршаны, лечебные источники, бариса, места шаманских захоронений и др. Культовые места разделяются на объекты общего значения и локальные, по территории и родовым местам поклонений бурят и эвенков. Список главных мест поклонений общего значения, по сведениям К. М. Герасимовой, таков: «Бөөлэн-тумэр – исток р. Баргузин; Дээдэ баабай – горная вершина возле с. Шаманка; Бархан баабай – “хозяин горы” Бархан-уула; Суво; Хилман-хушуун. Очевидно, это стало как бы правилом почитания пяти главных тахилганов, оформленных в свое время при содействии властей в конце XIX – начале XX в.» [1969: 137]. По сведениям современного информатора, наименования немного меняются: «Мать белый Баргузин имеет пять мест поклонений: вершина Барагхан, Бык камень, Шестая вершина, Болон Тумэр, Мыс Святой Нос» (Эхэ сагаан Баргажанай табан газарта мургэдэг: Бархан уула, Буха шулуун, Шастиин үндэр, Боолун Түмэр, Хэльмын хушуун)» [ПМА 2020]. Наиболее почитаемые родовые места поклонений эвенков: Белые Воды, Булухан, Сэю, Умхэй, Кучигер, Алла, Карамино, их обычно посещают только родственники [Там же].

Наиболее почитаемым объектом общепобурятского значения является вершина Баргузинских хребтов Барагхан/Бархан. По археологическим изысканиям и архивным материалам можно предположить, что вершина была почитаемой с древних времен. Баргуты, хорчины и ныне живущие эхириты поклонялись вершине по шаманским традициям. По сведениям современных информаторов, хозяина вершины величают обобщенным именем Бархан-бабай (Бархан баабай, Балма хатан).

По сведениям ученых, в древние времена Баргузинская долина была населена племенами баргутов и хорчид-монголов. Думается, что традиционные и архаичные шаманские материалы могут дополнить исторические сведения о жителях края. Примечательно, что во многих песнопениях хорчид-монголы упоминаются как духи почитаемой всеми вершины. Местом обитания божества отмечается знаменитая «плоскость» Тэбтэ-эхэй на вершине горы, где хранились доспехи монгольского воина, как считали старики. В призывании содержатся ценные сведения о почитании именно местности Тэбтэ-эхэй, как места обитания хозяина вершины, в данном случае конкретного духа шамана из племени хорчид-монголов:

*Энэ найхан Тэбтээхэй
Эзэлжэ хууһан бээтнэй...
Ара тээшэ болоходоо
Хонгор далай шагнан
Бууһан бээтнэй,
Эбэр тээшэ болоходоо
Хоршод монгол шагнан
Хууридаһан бээтнэй.*

Это прекрасное Тэбтэхэ,
Овладев, вы воссели,
Спускаясь
С той стороны,
Прекрасное море слушали,
Спускаясь
С этой стороны,
Хорчид-монголов слушали

[ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1117].

По семантике и композиции призывание, возможно, является одним из ранних сохранившихся материалов о хозяине вершины. Также, по материалам Б. Д. Базарова, существует не менее древний мифологический вариант имени хозяина горы Хан Шазага нойона, Сагсага хатан иби [2000: 271]. По расшифровке, «орнитологическая семантика имени хозяина горы подчеркивает его исконно традиционные корни. Имя жены Сагсага точно соответствует названию маленькой серенькой птички каменка-плясунья (*сагсага*), и, думается, мужское имя Шазага произошло от слова сорока (*шаазгай*) с небольшой трансформацией букв» [Дампилова 2017: 46].

В архивных записях упоминается имя Хахиин Сэмбэ Бараг хан как хозяин горы, там есть речка Хахи, т. е. из местности Хахи Сэмбэ Бараг хан. С вершиной Барагхана связывают еще одно имя – хозяина реки Баргузин Бальган Шальша. В предании, записанном С. П. Балдаевым, Бальган Шальша прибыл из Монголии или Маньчжурии, на родине был тайшой. Во время междоусобных войн бежал в Баргузин, похоронен на горе Бархан [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1080]. Возможно, в связи с этим именем возникло предание о доспехах воина на плоскости Тэбтэхэй.

В бесценных материалах, собранных С. П. Балдаевым в Баргузинской долине в разные годы, хранятся призывания шаманско-буддийского характера, относящиеся к более позднему историческому периоду:

Баргажанай дээдэ баабай

Бальган Шальша,

Байгалай үмэнэхи

Даша Балбар,

Уулайн эбэрдэхи

Шальшын орон,

Бальган Шальша

Түгэд ороной хаан!

Всевысший отец Баргузина

Бальган Шальша,

Южной стороны Байкала

Даша Балбар,

Склон горы

Родина Шальши,

Бальган Шальша

Тибетской стороны хан! [Там же. Д. 1115]

Бальган Шальша является хозяином истока Баргузина: ‘Место вашего божественного претворения / Болон Тумэр’ *Бурхалхан газартнай / Бөөлэн түмэр бэлэй* [Там же]. В бурятском варианте символ названия озера и горы может расшифровываться как место, обозначающее шамана, шаманствующего (*бөө бөөлүүр*), и железо (*түмэр*), что, скорее всего, связывается с кузнечным шаманским культом.

Местность Болон Тумэр у баргузинских эвенков, являясь ареалом их охотничьих угодий, также имеет свою сакральную историю. По словам живущего в этой местности эвенка О. С. Берельтуева, «термин произносится как Голан-төм и переводится с эвенкийского языка как “плот” (эвенки обычно ловили рыбу с плотов) ... более соответствует действительности мнение эвенкийки С. Г. Мироновой о том, что Бөөлэн-тумэр – это название горы, с которой р. Баргузин берет свое начало» [Гомбоев 2006: 144].

По сведениям эвенкийского шамана, они почитали все святы места прежних насельников; вершина Барагхана эвенками именовалась как величественная (*бар(к)хан хада*) и была священной горой. Если сакральное место уже имело своего хозяина, то эвенки поклонялись им как чужим святыням. Современные баргузинские шаманы (буряты и эвенки) утверждают, что эвенки отдельно обряды там не проводили и не проводят. Подтверждением последовательного почитания всеми пришельцами этой вершины может служить легенда: «Среди его помощников особо выделяют двоих: хамнигана (эвенка) и русского. По преданиям, это реальные люди, жившие в этих местах, а после смерти ставшие помощниками “хозяина” Барагхана. Хамниган жил раньше русского Донхена, поселившегося около Епишек лет 300 тому назад, когда там еще не было бурят» [Герасимова 1969: 137–139]. Знаменательно, что вновь прибывшие жители долины как бы входят в пантеон духов-хранителей, приближенных к сакральной площади.

Сакральная вершина Шастин Ундэр (Шестая вершина) в народной памяти запомнилась как место поклонения хорчид-монголов: «Духа Шастиин-Ундэра или Саһата-Ундэра зовут Сэбнэй-сагаан ноён, жену его зовут Түбэнэй сагаан хатан. Они были хорчинами. Баргузинские буряты устраивали им жертвоприношения, кололи лошадей и баранов [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1079]. Стоит обратить внимание, что в шаманских призываниях баргуты не упоминаются, а только хорчины, и тайлган устраивают, как и принято в шаманской традиции, грозным духам ушедших племен для их умилоствления. Думается, в связи с тем, что баргуты населяли эти земли раньше хорчинов, и когда пришли эхириты, были более известны места захоронений шаманов и почитаемые объекты хорчинов. По итогам исследований археологов, к середине I тыс. н. э. относится культура баргутов, когда в Баргузинской долине «появились первые ирригационные сооружения, крупные и глубокие каналы были замечены в истоках р. Аргады и на р. Гульмакта» [Тиваненко 1993: 20–21].

Кроме общепризнанных мест поклонений в Баргузинской долине выделяется множество локальных объектов подношений предкам рода. Обряды почитания предков (*угаа хүндэлхэ*) своего рода или племени относятся к семейно-родовым обрядам и являются обязательными как для бурят, так и для эвенков. Определенные роды эхиритов сегодня почитают подножие Икатских хребтов Шинагалжан. По сведению информатора из с. Элысун, «его прабабушка Мэдэгма рода номол сэнгэлдэр и другие представители этого рода проводили обряд поклонения предкам в местности Шинагальжан, возле Туяа, в Куйтунах. Шаманы подготавливали барана для жертвоприношения, также белую пищу. В конце обряда проводят ритуал бросания чаши, чтобы понять, как приняли духи твой дар. Один из шаманов проводит обряд, другой гадает на карте, каким духам молиться» [ПМА 2019]. Действительно, в современных обрядах по всей этнической Бурятии практикуется проведение обрядов с действующими наследственными шаманами *утха* и отдельно присутствуют гадатели *узэмэриши*.

Буряты рода *хонхо сэнгэлдэр* из с. Уржил проводят обряд жертвоприношения своей почитаемой бабушке, дочери Исгэя по имени Загал. По одним преданиям, она была шаманского происхождения и покончила с собой, пострадав за веру. По другим – в 17 лет была беременна, ее выгнали из дома, и она покончила с собой. Безвинной жертве как гневному духу предка род *хонхо* ежегодно приносит в жертву овцу [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Общий фонд. Д. 2647]. Таким образом, почти в одном сакральном месте разные роды проводят обряды, посвящая их своим предкам.

Баргузинские буряты в первое время враждовали с эвенками, на чьи земли они прибыли, что отразилось в их обрядовых материалах. Всем известна история *ехэ хүрээ*: тунгусы заставили бурят построить длинную деревянную изгородь от речки Карасун до местности Хара-модон. Бурятам запрещалось пускать скот через изгородь, в противном случае скот угоняли тунгусы [Бурятские летописи 1995: 177–178]. Примечателен факт, что в следующем призывании упоминается, что хозяин-дух трех сопок на окраине с. Улюкчикан был одним из первых жителей Баргузинской долины, воевавших с тунгусами. Духами-хозяевами этих сопок являются Сорон Ехэ Бөө и Нимай Ехэ Одигон. По принятым шаманским традициям, поклоняются им как большим шаманам. Во время жертвоприношений им преподносили лошадь, баранов и от каждого двора по котлу молочной архи [Тиваненко 2012: 227]. Следы противостояний бурят и эвенков можно проследить и в обрядовой практике бурят. Думается, только у баргузинских бурят практикуется следующий заговор: когда болеет ребенок, заговаривают болезнь уйти с горными хамниганами, с лесными ортонами *хайр, хайр, хайр, хадайн хамниганаар, ойн ортоноор яба*. Баргузинские буряты эвенков называют хамниганами, а оленеводов-эвенков ортонами (*ор* по-эвенкийски олень).

По классификации Г. М. Василевич, эвенки своих духов-хозяев делили на хозяина верхнего шаманского мира (*сэвэки, буга*), хозяина нижнего мира (*харги*), духа-хозяина тайги (*хинкэн, магин*); духов-помощников шамана (*сэвэн, шайтан*), духов-предков шамана (*илэ*) [1969: 230–233]. По современным полевым материалам, наиболее сохранившимся является обряд почитания духа предков. Родовые обряды буряты и эвенки проводят на разных сакральных площадях. А обряды, посвященные хозяевам местности, зачастую одни и те же и сегодня почитаются одинаково. Особо сакральные эвенкийские родовые святыни чаще всего находятся в труднодоступной местности, и посещение их строго запрещается даже некоторым членам семей, особенно не допускаются представители чужого рода. Шаманы здесь проводят ритуальные обряды, принося в жертву барана, быка или коня.

Согласно полевым материалам Б. Ц. Гомбоева, «представители шести эвенкийских родов (асибагат, баликагир, гальдэгир, тыпкагир, чангалир, чалкагир) раз в три года проводят обряд жертвоприношения своим родовым покровителям в местности Самаахай (12 км от с. Алла)» [2006: 11]. По сведениям нашего информатора-эвенка, род тэпкэгир – самый многочисленный в с. Улюнхан и молится своей покровительнице-шаманке. Местом их поклонения издревле является местность Самахай, каждое лето там проводится обряд поклонения родовой шаманке с просьбой хорошего будущего для потомков

[ПМА 2019]. «Местность, по преданию, принадлежала в прошлом тунгусам из рода лимагир, позднее – тэпкогир. На месте молебна можно увидеть принадлежности и атрибутику прежних шаманов, это в основном хорошо сохранившиеся металлические предметы их одежды. Шаман Орочён Степанович Берельтуев говорит о 9 родовых местах, где молились его предки тэпкогиры» [Бураева 2018: 329].

По рассказу шамана Е. Степанова, самахай обряд проводился в роще, на месте захоронения эвенкийских шаманов: «каждый год в Улюнхане, в местности Самахай (родовая усадьба эвенков Степановых), проходит наиболее массовый обряд, на котором собирается большое количество эвенков со всей Бурятии. В 2020 г. было около 50 участников» [ПМА 2020]. По семантике обряда «*угаа хүндэлхэ*» выявлены отличия в проведении обряда бурятами и эвенками. Композиция полностью совпадает с бурятскими обрядовыми действиями, приведенными выше. Необходимо констатировать, что сегодня эвенкийские обряды по акциональным и семантическим кодам совпадают с бурятскими, и единственное отличие – имена собственных родовых духов, сохранившиеся в памяти потомков.

Если сравнить современные и более ранние записи обрядовых действий эвенков, они отличались от бурятских разведением больших костров во время обряда, специальным оборудованием в виде чаш и т. д. И главное: почитаемые родовые объекты – всегда места захоронений родовых шаманов. У бурят родовые почитаемые места, хотя и могут иметь связь с родовыми шаманами, но также связаны с местом рождения (*тоонто*) родоначальника.

Итак, современные буряты и эвенки обязательно проводят обряды, связанные с лечением больных, благополучием детей, процветанием рода, которые сводятся к обряду поклонения предкам. В итоге исследования приходим к выводу, что для локальных обрядов почитания предков эвенки и буряты Баргузинской долины имеют свои отдельные родовые места поклонений. Также в результате проведенных экспедиций и многочисленных опросов информаторов констатируем, что эвенки усваивают мировоззрение и традиции более многочисленного бурятского народа, происходит постепенная ассимиляция культурных моделей. Также предполагаем, что в современных бурятских обрядовых действиях закрепились и эвенкийские элементы ритуала, которые необходимо конкретно выявить.

Полевые материалы автора

Экспедиция в села Алла, Улюнхан, Барагхан Курумканского района Республики Бурятия, июль 2019 г.

Экспедиция в села Алла, Улюнхан, Барагхан Курумканского района Республики Бурятия, август 2020 г.

Источники и литература

Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН): общий фонд, д. 2647; ф. 36, оп. 1, д. 1079, 1080, 1115, 1117].

Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма / Б. Д. Базаров. – Улан-Удэ: Буряад Үнэн, 2000. – 280 с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. I / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 364 с.

Бураева О. В. Сакральные места эвенков Баргузинской долины / О. В. Бураева // Республика Бурятия – 95 лет: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 327–330.

Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. – 198 с.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Л.: Наука, 1969. – 304 с.

Герасимова К. М. Култ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии / К. М. Герасимова // Этнографический сб. Вып. 5. – Улан-Удэ, 1969. – С. 105–144.

Гомбоев Б. Ц. Культурные места Баргузинской долины / Б. Ц. Гомбоев. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 287 с. (Сибирь: этносы и культуры. Вып. 10).

Дампилова Л. С. Миф и история в топонимических легендах и преданиях бурят и монголов / Л. С. Дампилова // Мир Центральной Азии-IV: сб. науч. ст. – Иркутск: Оттиск, 2017. – С. 464–468.

Сахаров Ц. История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондreja Шибшеева / Ц. Сахаров // Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. – Улан-Удэ: Курумканская типография, 1995. – С. 177–188.

Тиваненко А. В. На стыке времен народов / А. В. Тиваненко // Баргузинская котловина: сб. стат. – Улан-Удэ, 1993. – С. 17–34.

Тиваненко А. В. Древние боги Байкала / А. В. Тиваненко. – Чита: Экспресс-изд-во, 2012. – 321 с.

Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. – М.: Новый хронограф, 2012. – 448 с., ил. 64 с.

References

Centr vostochnyh rukopisej i ksilografov IMBT SO RAN (CVRK IMBT SO RAN): obshchij fond, d. 2647; f. 36, op. 1, d. 1079, 1080, 1115, 1117].

Bazarov B. D. Tainstva i praktika shamanizma / B. D. Bazarov. – Ulan-Ude: Buryaad Ynen, 2000. – 280 s.

Baldaev S. P. Rodoslovnye predaniya i legendy buryat. Ch. I / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1970. – 364 s.

Buraeva O. V. Sakral'nye mesta evenkov Barguzinskoj doliny / O. V. Buraeva // Respublike Buryatiya – 95 let: sb. nauch. st. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2018. – S. 327–330.

Buryatskie letopisi / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev, C. P. Vanchikova. Ulan-Ude, 1995. – 198 s.

Vasilevich G. M. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.) / G. M. Vasilevich. – L.: Nauka, 1969. – 304 s.

Gerasimova K. M. Kul't obo kak dopolnitel'nyj material dlya izucheniya etnicheskikh processov v Buryatii / K. M. Gerasimova // Etnograficheskij sb. Vyp. 5. – Ulan-Ude, 1969. – S. 105–144.

Gomboev B. C. Kul'tovye mesta Barguzinskoj doliny / B. C. Gomboev. – Ulan-Ude: IPK FGOU VPO VSGAKI, 2006. – 287 s. (Sibir': etnosy i kul'tury. Vyp. 10).

Dampilova L. S. Mif i istoriya v toponimicheskikh legendah i predaniyah buryat i mongolov / L. S. Dampilova // Mir Central'noj Azii-IV: sb. nauch. st. – Irkutsk: Ottisk, 2017. – S. 464–468.

Saharov C. Istoriya perekochevki v Barguzin v 1740 godu barguzinskih buryat s severa Bajkala pod predvoditel'stvom Ondreya Shibsheeva / C. Saharov // Buryatskie letopisi / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev, C. P. Vanchikova. – Ulan-Ude: Kurumkanskaya tipografiya, 1995. – S. 177–188.

Tivanenko A. V. Na styke vremen narodov / A. V. Tivanenko // Barguzinskaya kotlovina. Sbornik statej. – Ulan-Ude, 1993. – S. 17–34.

Tivanenko A. V. Drevnie bogi Bajkala / A. V. Tivanenko. – Chita: Ekspress-izd-vo, 2012. – 321 s.

Etnicheskij i religioznyj faktory v formirovanii i evolyucii Rossijskogo gosudarstva / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. – М.: Novyj hronograf, 2012. – 448 с., ил. 64 с.